

Минут через десять мне удалось вернуть самообладание. Я вытерла руки носовым платком и насухо вытерла лицо, через окно доносились крики и радостные возгласы играющих детей. Я уставился на девочку в зеркале, которая смотрела в ответ, и красные глаза ее бледно-медового цвета наконец-то потускнели. Она выглядела как никогда уязвимой, когда стояла там, сжимая крошечными ручками промокший от слез носовой платок.

Во что я ввязалась?

Вздохнув, я сунула мокрый платок в карман сумки и наконец отперла дверь в ванную. Я не могла прятаться там вечно, как бы мне этого ни хотелось. Когда я вышла в коридор, он был пуст, все, вероятно, наслаждались свежим воздухом, что привело меня обратно в безопасный класс. Не думаю, что я смогу справиться с толпой детей прямо сейчас.

Икеда-сенсей все еще была в комнате, готовясь к следующему уроку. Я натянуто улыбнулась ей, и она просто кивнула в ответ, пока я шла обратно на свое место. Аппетита у меня не было, но я все равно достал из сумки свой бенто, не желая, чтобы он пропал зря. На нем была печать, чтобы сохранить еду теплой, - изобретение моей матери и ее подруги во времена ее генинства. Я также достал из сумки шарики, так как редко куда без них ходил, и вытащил несколько штук.

Я знал, что это будет нелегко, но не предполагал, что, помимо возможных убийств и смертей, мне придется готовиться к появлению темпераментных детей. Я оставил свой бэнто нераспечатанным и использовал свой обычный механизм преодоления: практику чакры. На данный момент это так же легко, как дышать. Шарики реагировали на силу моей чакры, когда я отталкивал их от своего тела. Они "уплывали" от моей руки, на дюйм, на три дюйма, пока не остановились в футе от меня.

Чакра была единственным утешением для меня в те дни. Кажется, мне был всего год, когда я впервые почувствовал ее, расслабившись на веранде в объятиях матери. Вначале это было неприятное ощущение, корчившееся и покачивавшееся в животе, пока не стало болью для моих юных чувств. Мать решила, что мне нужно переодеться, но это не помогло. Я не понимала тогда, что происходит, но это были мои спирали, которые начали пробуждаться. Я рыдала и плакала от этих ощущений, пока отец не положил руку мне на живот, и прохладный поток его чакры успокоил меня. Я вспомнила, как отец обнимал меня, а мама прислонилась к его боку, и мы все вместе расслабились под теплым полуденным ветерком.

Я скучаю по ним. И я скучаю по дому.

Я ударился головой о парту, когда моя концентрация нарушилась, и шарики снова упали мне в руку. Все таланты и прозорливость в мире не помогут мне, если я не смогу контролировать свои эмоции. Глупые детские эмоции.

Я села прямо, сделала глубокий вдох и сосредоточилась на своей сути, следуя потокам чакры, как делала всегда.

Я могла это сделать.

Урок гендзюцу начался, когда остальные ученики пришли с обеда. Я вернулся в позу сейза и стал записывать основные события из серии на английском, на случай, если кто-то будет заглядывать мне через плечо. Было уже поздно, но я должен был записать все, пока не забыл. Хотя это и обескураживало, но было легче думать за пределами комплекса, где все было закрыто и в то же время так перегружено. Здесь, несмотря на то, что это была академия ниндзя и за тобой могли следить, и, скорее всего, следили постоянно, это меркло по сравнению с полной паранойей, которая возникала при жизни в клане, полном бякуганов. Даже если там были правила.

Я спрятала тетрадь, когда в класс вошло еще больше учеников и я снова почувствовала на себе пристальные взгляды. После стычки в коридоре я как бы ожидал этого. В воздухе витал намек на враждебность, и я подняла глаза. Сатоми. Она смотрела на меня, а я со скучающим выражением лица смотрел на нее со своего места. Она должна была стать проблемой, но я не хотел разбираться с этим сейчас. На войне нет времени на мелкие глупости.

Что-то пронеслось по комнате, когда все заняли свои места, и каждый нерв в моем теле напрягся. Что-то было не так, что-то чужое пыталось вторгнуться в мои чувства, и обычно успокаивающий поток моей чакры начал усиливаться. Я рассеял чужеродную чакру прежде, чем она успела завладеть моими чувствами, пропустив через себя еще больше своей, чтобы смыть ее. Другим ученикам повезло меньше. По классу пронеслось несколько криков тревоги, когда на них обрушилось все, что было брошено. Я ненадолго встретился взглядом с женщиной на трибуне, которая одарила меня слишком счастливой улыбкой, прежде чем начались крики.

Это было ужасающе. Сырой ужас, выраженный в этих криках, снова напомнил мне о моем третьем дне рождения. Кто-то плакал, кто-то всхлипывал, и это закрепило тот факт, что я никогда не хотел быть пораженным гендзюцу. Следующими с трясущимися вздохами вышли Учиха, за ними Сатоми и Абураме. Акимичи выглядела так, будто ее сейчас вырвет, пока Нара не вывел ее импульсом чакры, сам же не выглядел слишком потрясенным. Все дети клана вскоре успокоились, и единственными, кто все еще кричал, были двое гражданских детей в среднем ряду. Но никто из них не шевелился, просто смотрели на происходящее с каким-то нездоровым восхищением.

Но чем дольше продолжались крики, тем труднее было сохранять самообладание, пока что-то внутри меня не оборвалось.

Я поднялся со своего места, заставив многих повернуть головы, когда я перепрыгнул через свой стол, через Шисуи и ряд Учиха перед ним, к ряду кричащих детей. Я видел, как шипела и пенилась их чакра, не текла так, как должна была. Я поднял руку, указательную и среднюю, готовый вытолкнуть чужеродную чакру, когда светло-коричневая рука схватила меня за запястье.

Вакана Икеда. Фиолетовые глаза коричнево-волосой женщины лениво моргали, глядя на меня, а чакра свободно струилась по ее телу. Ей было не больше двадцати пяти, столько же лет было бы и мне в моем другом теле. В моей прежней жизни.

"Что ты делаешь, Дзюнко-чан?" От знакомости и непринужденности ее тона у меня все внутри заклокотало. Крики продолжались.

"Я думаю...", - голос был низким, но я говорил, - "это довольно очевидно, что я делаю, Икеда-сенсей".

Ее хватка усилилась. "Если эти сопляки не могут справиться с этим, они не должны быть ниндзя. Все просто".

Я был бы совершенно наивен, если бы думал, что она не видела, как Нара помогал Акимичи раньше. Либо это была проверка, либо она имела что-то против гражданских. В любом случае, она мне не нравилась. Это было бесчеловечно.

"В жизни ничего не бывает просто", - ответила я.

Она весело фыркнула. "О, ты думаешь, что знаешь что-то о жизни, сопляк?"

Хотелось бы знать.

"Я знаю достаточно".

В своей прежней жизни я не позволяла никому наступать себе на пятки. Я был невероятно застенчив, но если с кем-то поступали несправедливо, я не мог стоять в стороне и позволять этому происходить. Я виню в этом псевдогеройскую часть себя - все видеоигры и аниме, которые я смотрел. В средней школе я был не из тех, кто заступает за мелкие девчачьи драмы, потому что для меня это было просто издевательством. Я заступался за тех, кого задирали в компании друзей, которые у меня были на тот момент.

<http://tl.rulate.ru/book/114033/4326061>